

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ

Л.А. Молчанов

УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ВЛАСТЕЙ СИБИРИ (1918 – 1919 гг.)

При изучении российской государственности в годы Гражданской войны современные исследователи часто проходят мимо режима протектората России над Урянхайским краем (ныне – Республика Тува (Тыва) в составе Российской Федерации). В то время за небольшую территорию на юге Восточной Сибири шло ожесточенное противостояние разных политических сил и государств.

Этот край в течение многих веков находился под властью монгольской и маньчжурской знати. В 1912 г. в результате национально-освободительной борьбы иностранное владычество было ликвидировано. Ликвидация китайского и монгольского господства над регионом стала результатом революционных событий в Китае и обретения Монголией независимости (1911 г.). Синьхайская революция в Китае и национально-освободительное движение монгольского народа привели к изменению международной ситуации на границах России, Монголии и Китая.

В связи с этим Россия резко активизировала свою политику в регионе. С.-Петербург делал ставку на монгольское феодально-теократическое правительство, которое, в свою очередь, рассчитывало на поддержку России в своем противостоянии с Китаем. Политика Пекина, наоборот, была направлена на ликвидацию монгольской независимости и возвращение ее в состав Китая. Однако слабая китайская государственность не могла противостоять более сильной России. В итоге Кяхтинское русско-китайско-монгольское «тройственное» соглашение, заключенное 25 мая (7 июня) 1915 г. в г. Кяхта, урегулировало политические и территориальные вопросы, связанные с признанием автономии Внешней Монголии, оставшейся под формальным сюзеренитетом Китая. Согласно ст. 11, в состав Внешней Монголии включались четыре халхаских аймака и Кобдоский округ.

Борьба монголов за создание национального государства фактически изолировала Урянхайский край от Китая. Это создавало возможности для его развития по новому пути. Но однозначного решения, как именно

должен развиваться край, у урянхайской знати не было. Часть тувинского чиновничества высказывалась за самостоятельное развитие, другая – тяготела к Монголии или Китаю, третья – видела свое будущее под покровительством России. В конце концов, большинство решило, что стабильное развитие края возможно лишь под покровительством самого сильного государства региона – России. Тувинская знать в 1912–1913 гг. неоднократно обращалась к российскому императору с просьбой принять Туву в русское подданство. Эти заявления дали России возможность установить протекторат над Урянхайским краем.

4 апреля 1914 г. Николай II завизировал докладную записку министра иностранных дел С.Д. Сазонова по вопросу о принятии населения пяти хошунов Урянхайского края под российское покровительство, что означало установление протектората России над Тувой. Регион был включен в состав Енисейской губернии с передачей ведения политических и дипломатических дел Иркутскому военному генерал-губернатору. В административном отношении край делился на 7 хошунов (административные и податные единицы) во главе с ухэридами (огурдами). Общее управление формально находилось в руках амдын-нойона, фактически – российского представителя, чиновника Переселенческого управления МВД, который ведал устройством русских переселенцев (к 1917 г. – 12 тыс. человек). Их резиденцией стал основанный в 1914 г. Белоцарск (современный Кызыл). Правовой режим, установленный в крае, был вполне обычным для такого рода отношений между государствами: он предусматривал наличие российского советника по внутренним делам при сохранении определенной самостоятельности местных органов власти в вопросах самоуправления.

Однако установление покровительства России над краем не снизило накала политической и социальной борьбы. Промонгольские и прокитайские настроения среди тувинской правящей элиты были очень сильны. С другой стороны, ни Монголия, ни Китай не отказались от претензий на Урянхайский край. Таким образом, он по-прежнему оставался в сфере интересов этих стран. Пока Россия была сильна, антирусские настроения в крае проявлялись слабо. С началом поражений России на полях Первой мировой войны проникновение в край монгольских и китайских чиновников усилилось. Одновременно внутри тувинского общества активизировались промонгольские и прокитайские силы.

После Февральской революции Временное правительство подтвердило в августе 1917 г. протекторат России над Урянхаем. Для управления краем была учреждена должность комиссара, которая сохранилась при Временном Сибирском и Российском (Омском) правительствах в 1918–1919 гг. Эти функции выполняли по очереди А.П. Ермолаев, В.Н. Самой-

лов, Я.И. Мальцев и А.А. Турчанинов (был назначен на должность Временным Сибирским правительством и продолжал ее исполнять при верховном правителе адмирале А.В. Колчаке).

Развитие революционного движения и усиление влияния большевиков привели к установлению в Туве Советской власти, провозглашенной в марте 1918 г. IV съездом русского населения края. Большевики, опираясь на русских рабочих и крестьян, начали проводить перераспределение собственности, что на практике сводилось к грабежу стад, табунов и другого имущества русских купцов и тувинских скотовладельцев. Руководители хошунов испугались и, спасаясь от грабежей, стали искать защиты у монголов и китайцев¹. Правовую основу для перехода края под покровительство соседних стран создавала сама политика Советской власти, основанная на праве наций на самоопределение вплоть до полного отделения от России и образования самостоятельного государства. В июне 1918 г. на совместном заседании V съезда русского населения и съезда представителей тувинского народа был принят Договор о самоопределении Тувы. Представители местной Советской власти объявили тувинцев «свободными от протектората»².

При Советской власти на территорию протектората проникли китайский и монгольский отряды. В июне 1918 г. в край прибыла китайская делегация. В ее состав входили высокопоставленные китайские чиновники и купцы. Целью приезда делегации было знакомство с положением в крае для дальнейшей политической и торговой экспансии. Тувинская знать принимала делегацию с большим почетом. Для встречи тувинские чиновники заняли у русских купцов 18 тыс. руб. и продали 75 быков³. Это свидетельствовало о серьезных намерениях тувинской администрации выйти из-под покровительства России.

Временное сибирское правительство летом 1918 г. сумело урегулировать ситуацию миром: до военных столкновений и восстаний дело не дошло. Власть антибольшевистских правительств, находившихся в Омске, была еще достаточно сильна, и ее боялись. Китайцы и монголы ушли. Но уже тогда стало очевидным: урянхайские нойоны не отличаются преданностью русской власти. Тувинское население Урянхия в своем большинстве поддерживало своих чиновников. Ситуация осложнялась тем, что товары китайских и монгольских купцов стоили гораздо дешевле, чем русских. В условиях острого недостатка предметов первой необходимости такая дешевизна, что вполне естественно, вызывала симпатии тувинцев к монголам и китайцам. Недовольство русскими правительствами усиливалось запретами, которые они ввели на проезд китайцев и монголов на территорию края при практически «полном отсутствии на рынке русских товаров»⁴.

Несмотря на запреты, представители китайских торговых фирм постоянно проникали на территорию края и вели среди урянхов русофобскую пропаганду. На границе протектората концентрировались монгольские и китайские войска⁵. Осенью 1918 г. началось вторжение в Туву китайских войск под командованием Ян-Шичао. Они заняли южные и западные регионы протектората. Вслед за китайцами в Урянхай вошли монгольские войска под командой крупного феодала Максаржаба, который впоследствии стал министром юстиции в революционном Народном правительстве Сухэ-Батора⁶. Они расположились в южных районах и нацелились на столицу края Белоцарск.

Советская власть на территории Тувы продержалась недолго: в июле 1918 г. VI краевой съезд объявил о ликвидации Советов и о поддержке Временного Сибирского правительства П.В. Вологодского.

После свержения Советской власти все антибольшевистские правительства Сибири стремились сохранить протекторат России над Урянхайским краем. Для этого российские власти пытались поднять престиж тувинской буддийской администрации, повысить денежное содержание тувинского чиновничества. Омское правительство верховного правителя адмирала Колчака стремилось ввести в крае самоуправление с учетом традиций и обычаев местного населения. Разрабатывались проекты укрепления границы, организации судебной системы, милиции, почты и дорожной службы. Для улучшения связи с краем, в целях его снабжения всем необходимым при Министерстве внутренних дел было создано Междуведомственное совещание по делам Урянхайского края. Совещание приняло решение ускорить строительство дороги из Урянхия в Минусинск.

Главы буддийской администрации традиционно пользовались большим авторитетом в странах Восточной и Центральной Азии. Поэтому Омск попытался привлечь на свою сторону главу ламаистской церкви Урянхия Бандидо-хамбо-ламу. Предполагалось содействовать занятию этого поста российским ставленником, а затем взять его на содержание и поставить под свой контроль.

В марте 1919 г. при активном участии Турчанинова было составлено заявление на его имя, отправленное затем в Омск. Заявление с весьма пространном заголовком было написано хамбо-ламой (высшее звание в буддийской иерархии, настоятель монастыря) Лубсан-чжамцо и другими представителями тувинского чиновничества пророссийской ориентации. Приведем машинописный перевод этого документа с монгольского языка на русский полностью:

«Великого русского государства, комиссару по делам урянхайского края г. Турчанинову потомка правителей кемчикских урянхов, име-

ющего духовное звание хамбо-ламы, полученное от тибетского хутохты Гунддун-чжамьяна в анду, возведенного всеми кемчикскими урянхами в наставника «бакши» хамбо-ламы – гэлун Лупсанчжамца; исполняющего должность кемчикского правителя Дахошуна, цзахирокчи Баторху; его помощника по управлению, цзахирокчи Насту; цзанги Норчжита, мэйрина Чжимитдарчжи, и цзанги Туменбаира

з а я в л е н и е.

15 числа 2-й луны года Желтой Овцы.

16 марта 1919 г.

Наши урянхи известны под именем потомков уйгурских племен, а на своем языке носят название Тиба (Туба). Общеизвестное название: Танну, Кем (Енисей), Кемчик – слова собственного урянхайского наречия.

Территория Танну, Кем, Кемчик не должны входить в состав областей автономной Монголии, потому что по смыслу Кяхтинского тройного соглашения к Монголии должна отойти местность, находившаяся в ведении улайсуйтайского Цзянь-цзюня [Наместник китайского императора, управлявший всей Внешней Монголией, в том числе и Урянхайским краем; его ставка находилась в Улясутае. – *Л.М.*] в пределах до северной границы, каковою границею у него считалась линия пограничных караулов, находившихся в ведении особых маньчжурских чиновников известных под именем «Маньчжу-Кхя», каковая линия была проведена по южному склону хребта Танн-Ола. Для переезда через нее едущие должны были выбрать от Цзянь-цзюня особое разрешение – билет «галтупяо», и предъявить его маньчжурскому чиновнику Кхя на границе, находящейся южнее хребта Танну-Ола.

Что касается восьми знаков [После слова «знаков» в документе сделана сноска, и в подстрочном примечании указано: «Выставленных в 60 год прошлого столетия». – *Л.М.*], выставленных на северной границе нашей территории, то они – не пограничные знаки, обозначающие время и места свиданий для сличения писем [После слова «письмен» в документе сделана сноска, и в подстрочном примечании указано: «Существовали особые письма мира и дружбы, вырезанные на дощечках, которые и сличались». – *Л.М.*], о существовании и дружественных отношений между двумя сторонами, а также для поддержания и усугубления дружбы.

Из всего вышеизложенного видно, что наша урянхайская земля не включается в состав владений автономной Монголии. К тому же ни китайцы и ни монголы ранее нами не управляли.

Под русское покровительство мы попали по собственному желанию, и никто нас к этому не насилывал. Но против того покровительство нам было оказано при наступлении смутного времени, в результате которого мы действительно жили в течение нескольких лет весьма спокойно и мирною жизнью, увеличивая свое благосостояние и не неся податных повинностей.

Наш правитель Гун-ноен [Глава Кемчикского хошуна Урянхайского края. – *Л.М.*] подпал под влияние непристойных людей: Хамбо-Ламы Дагданая, Цзахирокчи Нимачжапа, лам: Мерчана и Лумсандаши, которые сбили его с толку, заставив его без ведома своих как высших, так и низших чиновников и самого народа подать тайным путем прошение китайцам и вступить с ними в соглашение, нарушив этим дружеские отношения между сторонами.

В данное же время Гун-ноен сбежал вместе с вышепоименованными лицами и находится у китайцев, чем может еще более нарушить дружественные отношения трех сторон и причинить нам, ничтожным урянхам, массу бед и несчастий. Мы, некультурные урянхи, все единодушно приходим по обсуждению создавшегося положения к тому, что единственное спасение для нас в тесном сближении с Россией и ее покровительстве.

При этом вполне добровольно заверяем, что ни в каком случае, до потери жизни включительно, мы не будем солидарны с упомянутыми выше плохими людьми, положившими начало смуте, и не пойдем за ними.

Докладывая о сем, мы уверены, что со стороны учреждений почтенных сановников будет оказано милостивое внимание, и искреннее желание некультурных... урянхов находиться по-прежнему под могущественным покровительством России будет уважено.

Перевел [Я.И.] Мальцев.

Верно: секретарь [Подпись неразборчива. – *Л.М.*]»⁷.

В итоге указом Колчака от 13 июня 1919 г. на пост Бандидо-Хамбо-ламы был утвержден лояльный к Омскому правительству урянхайский буддийский священнослужитель Лубсан-чжамцо⁸. В целях укрепления авторитета и материальной поддержки буддийской церкви МВД разработало временную инструкцию «по управлению духовными делами буддоломаистов Урянхайского края», которая была принята Междуведомственным совещанием по делам Урянхайского края при МВД 31 июля 1919 г. Согласно этой инструкции, при Бандидо-Хамбо-ламе создавался управленческий аппарат – «Управление делами Бандидо-хамбо-ламы»⁹.

Омское правительство намеревалось повысить авторитет главы ламаистской церкви Урянхая и через него поднять престиж своей власти. В середине сентября 1919 г., хотя положение на фронте стало очень тяжелым, правительство рассматривало вопрос о предоставлении Бандидо-Хамбо-Ламе 20 000 руб. на расходы по управлению духовными делами края¹⁰.

Для расширения самостоятельности Урянхая МВД намеревалось расширить возможности местного самоуправления края. Согласно планам, там должен был быть созван сейм во главе с председателем, Чулган-даргой, «объединяющим все хошуны края» (хошуны как административно-территориальные единицы края делились на сумоны, а сумоны – на арбаны)¹¹. Сейм был задуман как съезд руководителей хошунов – нойонов, – который должен был собираться ежегодно для обсуждения насущных проблем края. Чулган-дарга избирался на съезде. При нем организовывалось управление с двумя помощниками, переводчиком и штатом чиновников. Внешняя атрибутика власти Чулган-дарги выражалась в четырехугольной медной с позолотой печати с надписью на русском и монгольском языках «Управляющий 9-ю хошунами Урянхая Чулган-дарга» и шарике коричневого цвета¹².

Однако самостоятельность сейма и Чулган-дарги была ограничена, что проистекало из самой природы режима протектората. Так, результаты выборов утверждались в МВД. Действия сейма и его председателя были поставлены под строгий контроль представителя «российской власти в крае или лица, командированного от него». Смету расходов должен был утверждать этот представитель. Во всех своих действиях Чулган-дарга обязан был следовать его указаниям, в том числе и созывать сейм. Ему следовало также ежемесячно отчитываться перед российским представителем о своей деятельности, о работе глав хошунов и о положении в крае¹³.

Омское правительство стремилось упорядочить управление административно-территориальными единицами протектората (хошунами, сумонами и арбанами). Реформы должны были сделать его более дешевым и эффективным. Каждый хошун должен был иметь своего правителя (нойона). При нем должен был работать местный исполнительный орган (чазан), состоящий из советников, полицейских и писарей. Главой сумона назначался заведующий (цзанга). Административное управление сумона, по проекту, состояло из двух советников (мейринов): один из них ведал административной, другой – судебной частью. На все эти должности должны были назначаться лица пророссийской ориентации¹⁴. Окончательный проект реформ предполагалось утвердить после его согласования на сове-

щании с урянхайскими чиновниками при учете правовых обычаев и традиций тувинцев.

В чиновничьем аппарате Омск видел основную организованную силу тувинского общества. Российские власти стремились укрепить положение чиновничества, повысить его авторитет в тувинском обществе и вызвать его расположение к российским властям. Комиссар края Турчанинов в рапорте от 7 декабря 1918 г. министру внутренних дел А.Н. Гаттенбергеру предлагал назначение на должности в тувинской администрации сопровождать щедрой раздачей наград и чинов в той форме, которая ценилась местным обществом на протяжении нескольких поколений: серебряными деньгами или царскими купюрами. Наиболее отличившихся чиновников он считал важным премировать шелковой тканью, скотом, сельскохозяйственным инвентарем, богатым конским снаряжением¹⁵.

Все эти планы могли бы укрепить протекторат России над Урянхайским краем в случае победы белых в Гражданской войне. Однако ослабление власти Омского правительства адмирала Колчака, нарастающая разруха, поражения на фронте, вмешательство монгольских и китайских войск во внутренние дела протектората, широкое распространение в крае повстанческого движения, обострение национальных противоречий – все это не позволило осуществить намеченные реформы.

В самом протекторате резко обострились национальные отношения, начались столкновения местных жителей с русскими крестьянами и купцами. Значительная часть тувинского общества понимала, что противостоять агрессивным намерениям Монголии и Китая у них возможностей нет, а Россия в условиях внутренней, гражданской войны защитить их также не может. Все это привело к мятежу, вспыхнувшему весной 1919 г., который во многом носил антирусский характер, так как именно с русским населением тувинцы связывали большевистские грабежи и насилие. Руководили мятежом тувинские чиновники. Начались грабежи русского населения. Вспомнились старые обиды, основанные не столько на национальных и социальных противоречиях, сколько на обычной трудовой и коммерческой конкуренции. Деморализация и слабость белых войск не позволили справиться с повстанцами, а также парировать агрессивные действия китайских и монгольских вооруженных сил. Войска, казаки и отряды самообороны русских поселенцев часто отступали, не принимая боя, и «без сопротивления бежали»¹⁶.

Контроль над протекторатом Омское правительство Колчака окончательно потеряло летом 1919 г. с приходом в край отрядов красных партизан П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко, отступавших под сильным нажимом

итальянских войск, которые входили в состав войск Антаны в Сибири. Партизаны хотели через Туву, территорию Монголии и Китая уйти в советский Туркестан, так как их положение было очень тяжелым. Но в Урянхайском крае ситуация изменилась. Руководство партизанских отрядов сумело мирно договориться с монголами, пообещав им как можно скорее уйти из Тувы. Китайцы не рискнули начать активные военные действия. В руки партизан попали «запасы патронов... пороха и свинца», брошенные белыми при отступлении¹⁷. Они пополнили запасы продовольствия, которым был богат край. В отряды красных партизан влилось новое пополнение: к ним присоединялось русское население, спасавшееся от восставших тувинцев, а также монголов и китайцев.

Одержав на территории Тувы ряд побед над белыми и перегруппировав свои ряды, партизаны в сентябре 1919 г. начали операции против отступающих войск Колчака. С уходом из края основных сил партизан вновь активизировались монгольские и китайские войска. Они установили контроль над Урянхаем, грабили и терроризировали местное население.

После победы над Колчаком Красная армия разбила китайские отряды. В конце 1920 – начале 1921 гг. последние китайские солдаты ушли из Тувы. Летом 1921 г. в связи с начавшейся в Монголии революцией из Тувы ушел и монгольский отряд. Теперь судьба Тувы должна была решиться в большевистской Москве.

Большевистское руководство, намереваясь сохранить Туву, хорошо понимало, что там нет никаких условий для успешной «советизации». Рискованно было и осложнять отношения как с революционной Монголией, так и с Китаем, который, несмотря ни на что, оставался сильным государством, где большевикам тоже грезилась скорая революция. Однако этот сюжет заслуживает отдельной статьи.

Примечания

¹ «Урянхайский вопрос может быть разрешен лишь путем мирных переговоров»: Документы Временного Сибирского и Российского правительств, 1918–1919 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 85–88.

«Uryankhaysky vopros mozhet byt razreshen lish putem mirnykh peregovorov»: Dokumenty Vremennogo Sibirskogo i Rossiyskogo pravitelstv, 1918–1919 gg. // Istorichesky arkhiv. 1998. № 3. P. 85–88.

² Там же. С. 89.

Ibidem. P. 89

³ Там же. С. 88–89.

Ibidem. P. 88–89.

⁴ Там же. С. 93.

Ibidem. P. 93.

⁵ ГА РФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 246. Л. 41–42.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 1701. Op. 1. D. 246. L. 41–42.

⁶ «Урянхайский вопрос может быть разрешен лишь путем мирных переговоров»... С. 87, 89, 94, 96, 97.

«Uryankhaysky vopros mozhet byt razreshen lish putem mirnykh peregovorov»... P. 87, 89, 94, 96, 97.

⁷ ГА РФ. Ф. 1701. Оп.1. Д. 246. Л. 149–150.

GA RF. F. 1701. Op. 1. D. 246. L. 149–150.

⁸ «Урянхайский вопрос может быть разрешен лишь путем мирных переговоров»... С. 102.

«Uryankhaysky vopros mozhet byt razreshen lish putem mirnykh peregovorov»... P. 102.

⁹ Там же.

Ibidem.

¹⁰ Там же.

Ibidem.

¹¹ Там же. С. 103.

Ibidem. P. 103.

¹² Там же.

Ibidem.

¹³ Там же. С. 103–104.

Ibidem. P. 103–104.

¹⁴ Там же.

Ibidem.

¹⁵ Там же. С. 90–91.

Ibidem. P. 90–91.

¹⁶ Там же. С. 94.

Ibidem. P. 94.

¹⁷ Там же. С.101.

Ibidem. P. 101.